

Глава I
МОЕ РОДОСЛОВИЕ
И МОЯ ФАМИЛЬНАЯ ХРОНИКА.
Я ОДУРМАНЕН НЕЖНОЙ СТРАСТЬЮ

Так уж повелось с адамовых времен, что, где бы какая ни приключилась напасть, корень зла всегда в женщине. С тех пор как существует наш род (а это и есть, почитай что, с адамовых веков, столь древен, и знатен, и славен дом Барри, как всякий знает), женщины оказывали на его судьбу поистине огромное влияние.

Мне думается, в Европе не сыскать дворянина, который не был бы наслышан о доме Барри из Барриога в Ирландском королевстве, а уж более прославленного имени не найти ни у Гвиллима*, ни у д'Озье**; и хотя как человек света я знаю цену притязаниям иных выскочек, чье родословье подошло бы лакею, начищающему мне сапоги, и первым готов посмеяться над самохвальством многих моих соотечественников, кои объявляют себя потомками ирландских королей и о вотчине, где впору прокормиться свинье, толкуют, словно это княжеское поместье, — а все же из уважения к истине долгом почитаю сказать, что род мой был самым знатным на всем острове, если не в целом мире, и что владения его, ныне столь ничтожные, — ибо львиную долю их отторгли войны, предательство, мешкотность и расточительство

* Гвиллим Джон (1565–1621) — английский историк, автор работ по геральдике и генеалогии. — *Здесь и далее примеч. ред., кроме особо оговоренных.*

** Д'Озье Пьер (1592–1660) — французский историк, автор известного в свое время труда по генеалогии дворянских семейств.

предков, а также их приверженность старой вере и династии, — были некогда необозримы и охватывали многие графства во времена, когда Ирландия была еще благоденствующей страной. И я по праву увенчал бы свой фамильный герб ирландской короной, когда бы множество пустоголовых выскочек не унизили это высокое отличие, присвоив его себе.

Кабы не женщина, вполне возможно, я ныне бы сам носил эту корону. Вы, кажется, удивлены? А ведь что может быть проще! Найдись отважный военачальник, который возглавил бы рать моих соотечественников, вместо скулящих трусов, склонивших выю перед Ричардом II, ирландцы, пожалуй, были бы сейчас свободными людьми; найдись решительный полководец, который дал бы отпор кровавому насильнику Оливеру Кромвелю*, мы бы навек избавились от ига англичан. Но ни один Барри не встретил захватчика на поле брани; напротив, мой предок Саймон де Барри передался первому из названных монархов и взял в жены дочь мюнстерского короля, сыновей которого он безжалостно зарубил в бою.

Во времена же Оливера звезда наша закатилась, и ни одному Барри не пришлось уже кликнуть клич против кровавого пивовара. Мы больше не были владельцами князьями, наш злосчастный род уже за век до того утратил фамильное достояние вследствие гнусной измены. Я доподлинно это знаю, так как не раз слышал от матушки, она даже увековечила это событие в шитой цветными шерстями родословной, коей украсила одну из стен нашей желтой барривильской гостиной.

То самое ирландское поместье, где ныне хозяйничают англичане Линдоны, было некогда нашей родовой вотчиной. Рори Барри из Барриога владел им при Ели-

* Кромвель Оливер (1599–1658) — крупнейший деятель английской буржуазной революции XVII в.

завете, а также доброй половиной Мюнстера в придачу. Род Барри и род О'Мэхони исстари враждовали, и вот случилось, что некий английский полковник проходил через владения Барри с вооруженным отрядом в тот самый день, когда О'Мэхони вторглись в наши земли и захватили богатую добычу, угнав наши отары и стада.

Сей молодой англичанин по имени Роджер Линдон, Линден, или Линдейн, был принят семейством Барри со всем радушием, а так как те как раз собирались вторгнуться в земли О'Мэхони, он охотно пришел им на помощь со своими копейщиками и выказал себя испытанным воякой, ибо О'Мэхони были разбиты наголову, тогда как Барри не только вернули свое достояние, но, по свидетельству старой хроники, захватили у неприятеля вдвое больше добра и скота.

Наступали холода, и гостеприимные хозяева уговорили молодого воина у них перезимовать, людей же его расквартировали по хижинам вместе со своими висельниками — по солдату на каждого холопа. Англичане, как им свойственно, по-свински обращались с ирландцами, вследствие чего драки и убийства не утихали, и местные жители поклялись разделаться с чужаками.

Барри-сын (от коего я веду свой род) не меньше ненавидел англичан, чем любой смерд в его поместье, и, когда на предложение убраться восвосяси англичане ответили отказом, он сговорился с друзьями вырезать их всех до одного.

И надо же было заговорщикам посвятить в свои планы женщину, наследницу Родерика Барри! Она же, питая склонность к англичанину Линдону, выдала ему сию тайну; проклятый англичанин, упреждая заслуженное возмездие, сам напал на ирландцев, и в этой свалке был убит Фодриг Барри, мой предок, а также сотни его людей. Крест, воздвигнутый на перекрестке Баррикросс

у Карригнадихиоула, еще и ныне указывает, где происходила эта чудовищная бойня.

Линдон взял в жены дочь Родерика Барри и стал подбираться к его поместью; и хотя живы были потомки Фодрига, чему я непреложное доказательство*, английский суд присудил поместье англичанину, как это всегда бывает, когда тягаются англичане и ирландцы.

Итак, если б не женская слабость, я по праву рождения владел бы поместьями, кои достались мне потом единственно в силу моих заслуг, как вы со временем услышите. Но вернемся к моей фамильной хронике.

Батюшка был хорошо известен в избранных кругах как Англии, так и Ирландии под прозвищем Лихой Гарри Барри. Как и многие младшие отпрыски благородных семейств, он готовился к профессии адвоката и был приписан к конторе видного стряпчего на Сэквилл-стрит, в Дублине; при своем уме и способностях он, несомненно, преуспел бы на этом поприще, когда бы его светские таланты, пристрастие к мужским потехам, а также исключительные личные достоинства не предназначали ему более славное призвание. Еще будучи писцом у стряпчего, он содержал семь скаковых лошадей, и ни одна охота в поместьях Килдеров и Уиклоу не обходилась без него; это он на своем сером жеребце Эндимионе оспаривал первенство у капитана Пантера на знаменитых скачках, о коих любители вспоминают и по сей день; я заказал картину, увековечивающую это событие, и повесил ее над камином в столовой замка Линдон. Год спустя отец на том же Эндимионе скакал в присутствии его величества блаженной памяти Ге-

* Мы так и не нашли подтверждения тому, что мой пращур Фодриг был обвенчан со своей супругой, из чего я заключаю, что оный Линдон уничтожил брачный контракт и убил священника, равно как и свидетелей венчального обряда. — *Б. Л.*

орга II и был удостоен кубка, а также августейшей похвалы.

Хоть батюшка и был вторым сыном, он без больших хлопот унаследовал фамильное достояние (ныне сведенное к жалкой ренте в четыреста фунтов); ибо старший сын деда Корнелий Барри (прозванный шевалье Борнь* вследствие полученного в Германии увечья) остался верен старой религии, которую от века исповедовало наше семейство, и с честью сражался не только под чужими знаменами, но и против его святейшего величества Георга II, участвуя в злополучном Шотландском восстании 45-го года. В дальнейшем мы не раз встретимся с помянутым шевалье.

Что до батюшкина обращения, то этим счастливым событием я обязан моей дорогой матушке мисс Белл Брейди, дочери Юлайсеса Брейди из замка Брейди в графстве Керри, эсквайра и мирового судьи. Мисс Белл слыла в Дублине первой красавицей и щеголихой. Увидев ее в собрании, батюшка влюбился без памяти, но она и слышать не хотела о католике да вдобавок — писце стряпчего; и вот, побуждаемый любовью, драгоценный батюшка, воспользовавшись законами доброго старого времени, присвоил себе права дяди Корнелия и отнял у него родовое имение. Впрочем, не только ясные девичьи глаза совершили это чудо; несколько джентльменов из лучшего общества также способствовали сей благотворной перемене, — я не раз слышал, как матушка рассказывала, смеясь, о торжественном отречении в трактире за доброй выпивкой в присутствии сэра Дика Рингвуда, лорда Бэгуига, капитана Пантера и двух-трех юных городских повес. Лихой Гарри выиграл в тот вечер в фараон триста гиней, а наутро дал требуемые показа-

* От франц. «borgne» — «кривой», «одноглазый».

ния против брата; жаль только, что батюшкино обращение посеяло холодок между кровными родственниками и побудило дядюшку Корни примкнуть к бунтовщикам.

Как только досадное препятствие было устранено, милорд Бэгуиг предоставил батюшке свою яхту, стоявшую на приколе в Пиджен-хаусе; и красотка Белл Брейди, сдавшись на уговоры, бежала с ним в Англию, обманув надежды стариков родителей и многочисленных обожателей, — а были это все богач к богачу (как я тысячу раз слышал от самой матушки). Свадьбу сыграли в «Савое». Дед вскоре умер, и, войдя в права наследства, Гарри Барри, эсквайр, с честью поддерживал в Лондоне славу нашего имени. Это он продырявил шпагой знаменитого графа Тирселина на пустоши позади Монтегю-хауса. Он был завсегдаем «Уайта» и всех шоколадных лавок столицы; матушка, надо отдать ей должное, была ему достойной парой. И вот наконец, после славной Ньюмаркетской победы, одержанной на глазах у его святейшего величества, счастье улыбнулось Гарри Барри: милостивый монарх обещал о нем позаботиться. Но — увь! — его предупредил другой монарх, чья воля не терпит отлагательства: смерть настигла батюшку на Честерских скачках. Он умер в одночасье, оставив меня беспомощным сиротой. Мир праху его! Были у него свои недостатки: это батюшка промотал наше княжеское достояние, зато в храбрости он не уступал ни одному человеку, когда-либо поднимавшему заздравную чашу или объявлявшему число очков, бросая кости, и выезжал он цугом, как светский кавалер, ни в чем не отступающий от моды.

Не знаю, оплакал ли милостивый монарх внезапную кончину моего отца, — по словам матушки, он все же уронил королевскую слезинку, — но нам это мало помогло. Единственное, что осталось в доме во утешение

вдове и кредиторам, был кошель с девяноста гинеями, и матушка, разумеется, прибрала его к сторонке вместе с фамильным серебром, а также своим и мужниным гардеробом. Погрузив эти пожитки в наш рыдван, она отправилась в Холихед, где и села на судно, отплывающее в Ирландию. Останки батюшки сопровождали нас в самом пышном катафалке с самыми пышными перьями, какие можно было достать за деньги; ибо, хоть супруги частенько ссорились, смерть батюшки все искупила для этой женщины с пылким и благородным сердцем; она устроила ему невиданно пышные похороны и воздвигла над его прахом памятник (спустя много лет мне пришлось за него уплатить), на коем он был назван самым мудрым, беспорочным и любящим из супругов.

Отдавая усопшему сей печальный долг, вдова истратила чуть ли не последнюю гинею, но истратила бы несравненно больше, если б выполнила хотя бы треть обязательств, налагаемых подобной церемонией. Соседи по Барриогу — усадьбе, где стоял наш старый дом, — хоть и гневались на отца за отступничество, не отвернулись от него в эту годину скорби, и плакальщики, посланные мистером Плюмажем, лондонским гробовщиком, сопровождать драгоценные останки, в сущности, оказались не у дел. Итак, памятник и склеп в церковном подвале — вот и все, что осталось от моих обширных владений; ибо мебель нашу до последнего стула отец продал некоему стряпчему Нотли, и в покосившемся мрачном доме ожидали нас голые стены*.

* В другом месте «Записок» мистер Барри называет свой родной дом одним из великолепнейших дворцов Европы — такие противоречивые заявления не редкость у его соотечественников; что до ирландского поместья, на которое притязает мистер Барри, то известно, что дед его был стряпчим и жил своим трудом. (Примеч. издателя.)

Столь пышные похороны завоевали матушке репутацию женщины независимой и светской, и когда она написала своему брату Майклу Брейди, сей достойный джентльмен, нимало не медля, прибыл издалека, чтобы обнять ее и пригласить от имени своей супруги в замок Брейди.

Еще в пору батюшкина жениховства дядюшка Мик и Барри повздорили, как это бывает между мужчинами, и дело у них дошло до крупной размолвки. Когда Барри увез его сестру, Брейди поклялся, что в жизни не простит беглецов; но, приехав в сорок шестом году в Лондон, он снова сдружился с Лихим Гарри, гостил у него в его нарядном доме на Кларджес-стрит, проиграл ему с десятков гиней, разбил при его содействии головы двум-трем ночным сторожам, — эти дорогие воспоминания заронили в сердце добряка особую нежность к Белл и ее сыну, и он принял нас с распростертыми объятиями. Миссис Барри поступила бы, возможно, разумнее, если б сразу открыла родным свои печальные обстоятельства; но, прибыв в раззолоченной коляске, украшенной огромными гербами, она произвела на невестку и на прочих жителей графства впечатление богатой и влиятельной особы.

Некоторое время миссис Барри, как и должно, управляла всем в замке Брейди. Она командовала слугами и преподавала им не один урок лондонской опрятности, в чем они, кстати, весьма нуждались. Что же до «Редмонда-англичанина», как меня здесь называли, то со мной носились, точно с маленьким лордом; ко мне были приставлены лакей и нянька, и честный Мик исправно платил им жалованье, чем отнюдь не баловал собственных слуг, — словом, из кожи лез, чтобы утешить сестру в ее горе. Матушка, со своей стороны, обещала назначить любезному братцу изрядную сумму на свое и сына

содержание, как только ее дела будут приведены в порядок. Она также обещала ему перевезти свои шегольские мебели с Кларджес-стрит в замок Брейди, чтобы украсить его покои, имевшие весьма заброшенный вид.

Вскоре, однако, выяснилось, что негодяй домохозяин захватил каждый стол и стул, на какие по праву рассчитывала вдова. Имение, которое мне предстояло унаследовать, прибрали к рукам алчные кредиторы, и единственным источником существования вдовы и ребенка была рента в пятьдесят фунтов, выплачиваемая нам лордом Бэгуигом, которого связывали с покойным какие-то дела по скаковым конюшням. Похвальные намерения матушки отблагодарить брата так и пропали втуне.

Едва лишь открылось, как бедна золовка, миссис Брейди из замка Брейди, не к чести ей будь сказано, перестала заискивать в маменьке, как неизменно делала до сей поры, прогнала со двора лакея и няньку и объявила миссис Барри, что та вольна последовать за ними, как только ей будет благоугодно. Миссис Мик была особа низкого рождения, вульгарного и своекорыстного направления мыслей; а посему вдова по истечении двух-трех лет (за какое время ей удалось сберечь почти весь свой небольшой доход) согласилась выполнить желание миссис Брейди и заодно поклялась, дав волю справедливому и лишь до поры до времени сдерживаемому гневу, что не переступит порог замка Брейди, доколе жива его хозяйка.

Новое свое жилище матушка обставила с примерной бережливостью и отменным вкусом, и никогда она, невзирая на бедность, не теряла чувства собственного достоинства и уважения всей округи. Да и как можно было не уважать даму, жившую в Лондоне, вхожую в самое изысканное общество столицы и (как она торжественно уверяла) представленную ко двору! Эти преимущества

давали ей право, коим, на мой взгляд, злоупотребляют иные уроженцы Ирландии, удостоенные этой чести, — право с презрением глядеть на тех, кто никогда не выезжал за пределы отчизны и не жывал в Англии. Так, стоило миссис Брейди показаться в новом туалете, как ее золовка неизменно говаривала: «Бедняжка! Какое у нее может быть представление о настоящем шике!» И хоть ей и льстило, что ее зовут Хорошенькой Вдовушкой, еще больше гордилась она прозванием Английской Вдовы.

Миссис Брейди не оставалась у нее в долгу: она уверяла, будто покойный Барри был нищий и банкрот; вышедший свет он якобы видел из-за приставного стола в доме лорда Бэгуига, где его терпели на положении блюдолизы и льстеца. Что же до миссис Барри, то тут госпожа замка Брейди вдавалась в намеки и вовсе оскорбительные. Но стоит ли ворошить старые наветы и повторять сплетни вековой давности? Названные лица жили и враждовали еще в царствование Георга II; добрые или злые, красивые или безобразные, богатые или бедные — все они ныне сравнялись; и разве воскресные газеты и судебная хроника не поставляют нам еженедельно куда более свежую и пряную пищу для пересудов?

Но что бы там ни было раньше, никто не станет отрицать, что, удалившись от света после смерти мужа, миссис Барри жила схимницей и даже тень подозрения не смела ее коснуться. Если Белл Брейди была когда-то самой отчаянной кокеткой во всем Уэксфордском графстве и если добрая половина местных кавалеров лежала у ее ног и каждого она умела обласкать и обнадежить, то Белл Барри вела себя со сдержанным достоинством, граничившим с чопорностью, была сурова и недоступна, что твоя квакерша. Немало женихов, плененных чарами девы, возобновили свои предложения вдове; но миссис Барри отвергла всех искателей, клялась, что на-

мерена жить только ради сына и памяти почившего праведника.

— Нечего сказать, праведник! — негодовала зловредная миссис Брейди. — Такого греховодника, как Гарри Барри, свет не видывал. Да и кто же не знает, что они с Белл жили как кошка с собакой? Если она отказывается выходить замуж, то уж, верно, у нее другой на примете, она, поди, спит и видит, чтобы лорд Бэгуиг овдовел.

Ну, а хоть бы и так, что в том дурного, скажите! Неужто вдова Барри недостойна руки любого английского лорда? И разве не живет в семье предание, что женщине суждено восстановить богатство рода Барри? Если матушка вообразила себя этой женщиной, думается, у нее были на то веские основания; граф (мой крестный) всегда был необычайно к ней внимателен; я и не подозревал, как крепко засела у нее мысль способствовать таким образом моему преуспеянию в свете, пока в пятьдесят седьмом году его светлость не обвенчался с мисс Голдмор, дочерью богатейшего индийского набоба.

Тем временем мы по-прежнему обитали в Барривилле и при наших скудных средствах жили, можно сказать, на барственную ногу. Из тех пяти-шести семейств, что составляли общество Брейдитауна, никто не одевался приличнее бедной вдовы; и хоть матушка так и не сняла траур по своему почившему супругу, однако она тщательно следила, чтобы наряды как можно лучше оттеняли ее природную красоту, и по меньшей мере шесть часов в сутки отдавала на то, чтобы перекраивать, перешивать и отделявать их по последней моде. Она носила самые широкие кринолины и самые изящные фалбалы и ежемесячно получала из Лондона донесения (за печатью лорда Бэгуига) о новинках столичной моды. Цвет лица у нее был столь свежий, что она не нуждалась в румянах, бывших тогда в большом потреблении. Пусть бе-